

СОБРАНИЕ
ПОВЕСТЕЙ
И РАССКАЗОВ
(1911-1916)

Джек
ЛОНДОН

Jack London

Annotation

Он был только мальчонкой, жил вместе с отцом на заброшенном руднике и присматривал за вагонетками, переправлявшими когда-то золото через ущелье.

Однажды его соседям понадобилось срочно перебраться на другую сторону. Надвигалось ненастье, отец надолго ушел из дому... Кто поможет?

-
- [Джек Лондон](#)

-

Джек Лондон

На берегах Сакраменто

Дуют ветры, ох-хо-хо!
К Кали-фор-ни-и.
Много — слышно — золота
Там, на Сакраменто!

Он был только мальчонкой, распеваящим дискантом морскую песню, какую поют моряки всего земного шара, стоя у шпиля и поднимая якорь, чтобы отплыть в порт Фриско. Это был только мальчонка, никогда не видевший моря, но перед ним, в двухстах футах ниже, неслась река Сакраменто. Звали его молодой Джерри, а от отца, старого Джерри, он научился этой песенке и унаследовал копну ярко-рыжих волос, голубые бегающие глаза и белую кожу с неизбежными веснушками.

Старик Джерри был моряком и полжизни плавал по морям, вечно преследуемый словами этой звонкой песни. А однажды он спел ее уже всерьез, в одном азиатском порту, пританцовывал вокруг шпиля с двадцатью товарищами. И в Сан-Франциско он распрощался со своим кораблем и с морем и отправился поглядеть собственными глазами на берега Сакраменто.

И золото ему довелось увидеть: он нашел место на руднике «Желтая мечта» и оказался в высшей степени полезным при проведении через реку больших тросов, проходивших на высоте двухсот футов.

Затем ему поручили присмотр за тросами, починку их и спуск вагонеток. Он полюбил свою работу и сделался неотъемлемой принадлежностью рудника «Желтая мечта». Вскоре он влюбился в хорошенькую Маргерет Келли, но она оставила его и молодого Джерри, едва только тот начал ходить, — оставила для того, чтобы заснуть последним долгим сном среди высоких строгих сосен.

Старый Джерри так и не вернулся к морю. Он остался у своих тросов, отдав им и молодому Джерри всю свою любовь.

Настали для «Желтой мечты» тяжелые времена, а он по-прежнему оставался на службе у компании, сторожил заброшенное имущество.

Но в то утро его не было видно. Только молодой Джерри сидел на приступке хижины и распевал старую песенку. Он приготовил и в одиночестве съел свой завтрак, а сейчас вышел поглядеть на мир. На расстоянии двадцати футов от него стоял стальной ворот, вокруг которого обегал бесконечный трос. У ворота приютилась прикрепленная к нему вагонетка для руды. Следя глазами за головокружительным бегом тросов до противоположного берега, он мог разглядеть другой ворот и другую вагонетку.

Механизм приводился в движение силой тяжести; в силу собственной тяжести нагруженная вагонетка переправлялась через реку, а одновременно с этим другая вагонетка возвращалась назад пустой. Нагруженную вагонетку разгружали, а пустую наполняли рудой, и переправа повторялась, повторялась десятки тысяч раз с того дня, как старый Джерри сделался зрителем при тросах.

Молодой Джерри оборвал свою песню, услышав приближающиеся шаги.

Высокий мужчина в синей рубашке, с ружьем на плече, вышел из мрака сосен. Это был Холл, сторож рудника «Желтый дракон», тросы которого пересекали Сакраменто милей выше.

— Здорово, малыш! — поздоровался он. — Ты что тут делаешь один?

— Присматриваю за тросом, — Джерри старался говорить развязно, словно это было самое обыкновенное дело. — Папы-то ведь нет!

— Куда он ушел? — спросил мужчина.

— В Сан-Франциско. Еще вчера вечером. У него брат умер за морем, и он пошел потолковать с адвокатами. Раньше, чем завтра к ночи, не вернется.

Джерри говорил с гордостью — на него ведь свалилась ответственность присматривать за имуществом «Желтой мечты», жить одному на утесе над рекой и самому стряпать себе обед.

— Ну, так ты будь поосторожнее, — сказал Холл, — и не дурачься с тросом. Я иду к ущелью Хромой Коровы, может, подцеплю там оленя.

— Похоже, что дождь собирается, — заметил Джерри с рассудительностью взрослого.

— Не очень-то боюсь промокнуть, — расхохотался Холл, исчезая за деревьями.

Предсказание Джерри относительно дождя более чем оправдалось. К десяти часам сосны закачались и застонали, задрезжали окна хижины, и полил дождь, подхлестываемый дикими порывами ветра. В половине двенадцатого мальчуган развел огонь и ровно в двенадцать уселся за обед.

Сегодня уж ему не выйти из дому, решил он, вымыв посуду и поставив ее на место; и он подумал, как вымокнет Холл и удастся ли ему подцепить оленя.

В час раздался стук в дверь, а когда он открыл ее, в комнату, подгоняемые шквалом, ввалились, шатаясь, мужчина и женщина. Это были мистер и миссис Спиллен, владельцы ранчо, жившие в уединенной долине, милях в двенадцати в сторону от реки.

— Где Холл? — спросил Спиллен; он говорил отрывисто и быстро.

Джерри заметил, что он нервничает и движения его резки, а миссис Спиллен как будто сильно чем-то обеспокоена. Это была худая, поблекшая, измученная женщина; жизнь, наполненная тягостным бесконечным трудом, наложила на ее лицо свою грубую печать. И та же жизнь согнула плечи ее мужа, сделала его руки узловатыми, а волосы пыльно-серыми.

— Он пошел на охоту к Хромой Корове, — ответил Джерри. — Вы хотели перебраться на ту сторону?

Женщина стала тихонько плакать, а Спиллен уронил какое-то проклятье и пошел к окну. Джерри присоединился к нему и выпянул наружу, где за частым ливнем не видно было тросов.

Жители лесов этой части страны обычно переправлялись через Сакраменто по тросу «Желтого дракона». За эту услугу с них взималась скромная плата, а компания «Желтый дракон» платила из этих денег жалованье Холлу.

— Нам нужно перебраться на ту сторону, Джерри, — сказал Спиллен, указывая пальцем через плечо на свою жену. — С ее отцом случилась беда в Кlover-Лиф. Взрыв пороха. Едва ли выживет. Мы только что об этом узнали.

Джерри почувствовал внутренний трепет. Он знал, что Спиллены хотели переправиться по тросу «Желтой мечты», а в отсутствие отца он не решался взять на себя такую ответственность, тросом никогда не пользовались для переправы пассажиров, а в сущности говоря, он долгое время был вообще без всякого употребления.

— Может, Холл скоро вернется, — сказал он. Спиллен покачал головой и спросил:

— Где твой отец?

— В Сан-Франциско, — кратко ответил Джерри.

Спиллен застонал и, стиснув кулак, свирепо ударил им по ладони другой руки. Его жена заплакала громче, и Джерри услышал ее шепот:

— А папа умирает, умирает!

Слезы заволокли и его глаза, и он стоял в нерешительности, не зная, что ему предпринять. Но Спиллен решил за него.

— Слушай, малыш, — твердо сказал он, — мы с женой переправимся по этому вашему тросу. Пустишь ты его для нас?

Джерри слегка отшатнулся. Он это сделал бессознательно, отступая инстинктивно перед чем-то нежелательным.

— Лучше посмотрите, не вернулся ли Холл? — предложил он.

— А если не вернулся?

Снова Джерри заколебался.

— Риск я беру на себя, — прибавил Спиллен. — Разве ты не понимаешь, малыш, что нам во что бы то ни стало нужно переправиться?

Джерри нехотя кивнул головой.

— И нет никакого смысла ждать Холла, — продолжал Спиллен. — Ты знаешь не хуже меня, что сейчас он не может вернуться. Ну, так идем!

«Неудивительно, что миссис Спиллен была совсем перепугана, когда они помогали ей влезть в вагонетку для руды», — так, по крайней мере, думал Джерри, глядя вниз в пропасть, казавшуюся бездонной.

Дождь и туман, клубившийся под бешеными ударами ветра, скрывали противоположный берег, до которого было семьсот футов; утес у их ног отвесно падал вниз, теряясь в клубящейся мгле. Казалось, до дна было не двести футов, а добрая миля.

— Готово? — спросил он.

— Пускай ее! — заорал Спиллен, стараясь заглушить рев ветра. Он влез в вагонетку подле жены и взял ее руку в свою. Джерри посмотрел на это неодобрительно.

— Вам понадобятся ваши руки, чтобы держаться, ветер-то как рвет!

Мужчина и женщина расцепили руки и крепко ухватились за край вагонетки, а Джерри медленно и осторожно отпустил тормоз. Ворот начал вращаться, бесконечный трос пришел в движение, и вагонетка медленно скользнула в бездну; ее колесики бежали по неподвижному тросу, к которому она была подвешена.

Уж не в первый раз Джерри пускал трос, но ему впервые пришлось это делать в отсутствие отца. Пользуясь тормозом, он регулировал скорость вагонетки, а регулировать было необходимо, так как иногда, под сильными ударами ветра, она бешено раскачивалась взад и вперед, а один раз, перед тем как сплошная дождевая стена ее скрыла, она, казалось, едва не выбросила своего груза.

После этого Джерри мог определить продвижение вагонетки только по тросу, и он внимательно следил за ним по мере того, как трос скользил вокруг ворота.

— Триста футов, — шептал он, глядя на отметки троса, — триста пятьдесят, четыреста, четыреста...

Трос остановился. Джерри опустил тормоз, но трос не двигался. Джерри схватил его обеими руками и изо всех сил потянул. Что-то испортилось. Но что? Он не мог догадаться, ему не было видно. Подняв голову, он разглядел смутные очертания пустой вагонетки, переправлявшейся с противоположного берега со скоростью, равной скорости нагруженной вагонетки.

От берега ее отделяло около двухсот пятидесяти футов. Отсюда он вывел заключение, что где-то там, в серой мгле, на высоте двухсот футов над рекой и на расстоянии двухсот пятидесяти футов от противоположного берега, висят в неподвижной вагонетке Спиллен и его жена.

Три раза крикнул Джерри во всю силу легких, но буря не принесла ответного крика. Услышать их он не мог, не могли его услышать и они. Пока он стоял секунду неподвижно и размышлял, летящие облака, казалось, поднялись и рассеялись. Он мельком увидел

внизу набухшие воды Сакраменто, а сверху — вагонетку с мужчиной и женщиной. Затем облака нависли еще гуще, чем раньше.

Мальчик внимательно осмотрел ворот и не нашел никаких повреждений. Очевидно, испортился ворот на том берегу. Он пришел в ужас при мысли о мужчине и женщине, повисших над пропастью в самом водовороте бури, раскачивающихся взад и вперед в хрупкой вагонетке и не ведающих того, что происходит на берегу. И ему не хотелось думать о них, висящих там, пока он переправится по тросу «Желтого дракона» к другому вороту.

Но тут он вспомнил, что в мастерской есть блоки и веревки, и сбегал за ними. Веревку он привязал к бесконечному тросу и повис на ней. Он тянул до тех пор, пока ему не стало казаться, что руки у него выскочили из суставов и порвались плечевые мускулы. Но трос не двигался. Ничего не оставалось, как переправиться на другую сторону.

Он уже успел промокнуть насквозь и, не обращая внимания на дождь, побежал к «Желтому дракону». Буря неслась вместе с ним и подгоняла его. Но у ворота не было Холла, который следил бы за тормозом и регулировал скорость вагонетки.

Он сделал это сам, пропустив вокруг неподвижного троса крепкую веревку.

На полпути его настиг сильный порыв ветра, раскачивавшего трос, свистевшего и ревавшего вокруг него, толкавшего и накрывавшего вагонетку, и он яснее представил себе состояние Спиллена и его жены. И это сознание придало ему силы, когда, благополучно переправившись на другую сторону, он пробивал себе путь навстречу буре, к тросу «Желтой мечты».

С ужасом он убедился, что ворот находится в полной исправности. На обоих берегах все было в порядке. Где же зацепка? Несомненно, посередине.

От этого берега вагон со Спилленами был в двухстах пятидесяти футах. Сквозь клубы пара он мог разглядеть мужчину и женщину, скорчившихся на дне вагонетки, отданных во власть ярости ветра и дождя. В минуту затишья между двумя порывами ветра он крикнул Спиллену, чтобы тот осмотрел колесики вагонетки.

Спиллен услышал его; он осторожно поднялся на колени и руками ощупал оба колесика. Затем он повернулся лицом к берегу:

— Здесь все в порядке, малыш!

Джерри расслышал эти слова; они звучали слабо, словно неслись издалека. Но тогда — в чем же дело? Оставалась только другая, пустая вагонетка; он не мог ее видеть, но знал, что она висит где-то над пропастью, на двести футов дальше вагонетки Спиллена.

Его решение было принято в одну секунду. Он был худощавый и жилистый, и ему было только четырнадцать лет. Но вся жизнь его протекла в горах, а отец преподавал ему начала «морского дела», и он не особенно боялся высоты.

В ящике с инструментами подле ворота он нашел старый английский ключ, короткий железный прут и кольцо новой манильсой бечевки. Тщетно искал он кусок доски, из которого можно было бы соорудить нечто вроде «боцманского сиденья». Под рукой были только большие доски, а он не имел возможности их распилить и пришлось ему обойтись без седла, хотя бы сколько-нибудь удобного.

Седло он устроил себе самое простое. Из веревки он сделал петлю, спускающуюся с неподвижного каната, к которому была подвешена пустая вагонетка. Когда он уселся в петлю, его руки как раз доставали до троса, а там, где веревка терлась о трос, он подложил свою куртку, вместо старого мешка, которым бы он мог воспользоваться, если бы мог его найти.

Быстро покончив с этими приготовлениями, он повис над пучиной, сидя в веревочном седле и перебирая руками трос. Он захватил с собой английский ключ, короткий железный прут и несколько оставшихся футов веревки. Трос шел слегка наклонно вверх, и ему приходилось, продвигаясь, все время подтягиваться, но с этим Джерри было легче примириться, чем с ветром. Когда яростные порывы ветра раскачивали его назад и вперед и, по временам, чуть не переворачивали, он глядел вниз, в серую бездну, и чувствовал, что его охватывает страх. Трос был старый. Что, если он не выдержит его тяжести и давления ветра?

Он испытывал страх, подлинный страх, чувствовал, как у него щемит под ложечкой, как дрожат колени, и не мог остановить эту дрожь.

Но он мужественно исполнял свой долг. Трос был старый, потертый, из него торчали острые концы проволоки, и к тому времени, когда Джерри сделал первую остановку и стал перекликаться со Спилленом, руки у него были порезаны и сочились

кровью. Вагонетка находилась как раз под ним, на расстоянии нескольких футов, и он мог объяснить положение вещей и цель своего путешествия.

— Хотел бы я тебе помочь! — крикнул ему Спиллен, когда он снова тронулся в путь. — Но жена совсем расклеилась. А ты, малыш, будь осторожнее! Я сам впутался в это дело, а выручать меня приходится тебе.

— О, я справлюсь! — крикнул в ответ Джерри. — Передайте миссис Спиллен, что теперь она в один момент будет на берегу.

Под хлещущим дождем, который слепил его, он раскачивался из стороны в сторону, как быстро путешествующий маятник. Разодранные руки сильно болели, и он чуть не задохнулся от своих упражнений и от силы ветра, ударявшего ему прямо в лицо, когда, наконец, очутился у пустой вагонетки.

С первого же взгляда он убедился, что опасное путешествие было предпринято не напрасно. Переднее колесо, расшатавшееся от долгой носки, соскочило с троса, и теперь трос был плотно защемлен между колесом и блочным шкивом.

Одно было ясно — колесо следует снять с блока; не менее ясным казалось и то, что, пока он будет снимать колесо, вагонетку необходимо прикрепить к тросу захваченной им веревкой.

Через четверть часа ему удалось только укрепить вагонетку. Чека, соединявшая колесико с осью, заржавела и согнулась. Он стал колотить по ней одной рукой, а другой крепко держался за трос, но ветер по-прежнему раскачивал и толкал его, и удары редко попадали в цель.

Девять десятых силы уходило на то, чтобы удержаться. Он боялся уронить английский ключ и крепко привязал его к кисти носовым платком.

Через полчаса Джерри сбил чеку, но вытащить ее ему не удавалось. Десятки раз он готов был в отчаянии все бросить, и ему казалось, что опасность, какой он подвергался, и все его усилия не привели ни к чему. Но тут его осенила новая мысль, и он начал с лихорадочной поспешностью шарить по карманам, пока не нашел то, что искал, — десятипенсовый гвоздь.

Если бы не этот гвоздь, неизвестно каким образом очутившийся в его кармане, ему пришлось бы повторить свое путешествие по тросу

обратно. Он всунул гвоздь в отверстие чеки; теперь ему было за что ухватиться, и через секунду чека была снята.

Затем он просунул под трос железный прут и, действуя им как рычагом, высвободил колесо, зажатое между тросом и блоком. После этого Джерри поставил колесо на прежнее место и с помощью веревки приподнял вагонетку, пока колесо не очутилось снова на своем месте, на тросе.

Все это отняло время. Прошло больше полутора часов с тех пор, как он добрался до пустой вагонетки. И только теперь он мог спуститься со своего седла в вагонетку. Он снял удерживавшую ее веревку, и колесики начали медленно вращаться. Вагонетка пришла в движение, и он знал, что где-то там, внизу, вагонетка Спилленов — им не видимая, движется точно так же, но в противоположном направлении.

В тормозе не было надобности, так как его вес уравновешивал вес другой вагонетки: вскоре он увидел утес, вздымающийся из облачной глубины, и старый, хорошо знакомый вращающийся ворот.

Джерри вылез и укрепил вагонетку. Он это сделал старательно и осторожно, а затем поступил совсем не героически; он опустился на землю подле ворота, не обращая внимания на хлещущий дождь, и разрыдался.

Слезы его были вызваны многим — отчасти мучительно болевшими руками, отчасти усталостью, отчасти реакцией после нервного напряжения, так долго его поддерживавшего; а в значительной степени были благодарностью за то, что мужчина и женщина были спасены.

Их не было здесь, чтобы поблагодарить его; но он знал, что где-то там, по ту сторону ревущего потока, они спешат по тропинкам в Кlover-Лиф.

Джерри, шатаясь, добрался до хижины; когда он открыл дверь, его рука окрасила кровью белую ручку двери, но он на это не обратил внимания.

Он был слишком горд и доволен собой, так как знал, что поступил хорошо, и был достаточно прямодушен, чтобы дать оценку своему поступку. Но он все время сожалел только об одном: если бы отец мог видеть!..

1903